

ЧИТАТЕЛЬ, САЛЯМ!¹

«Сокол в небе бессилён без крыльев. Человек на земле немощен без коня.

Все, что ни случается, имеет свою причину, начало веревки влечёт за собой конец её. Взятый правильно путь через равнины вселенной приводит скитальца к намеченной цели, а ошибка и беспечность завлекут его на солончак гибели.

Если человеку выпадет случай наблюдать чрезвычайное, как-то: извержение огнедышащей горы, погубившее цветущие селения, восстание угнетённого народа против всеильного владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа, — все это видевший должен поведать бумаге. А если он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертал сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам.

Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте. Когда холодная рука смерти уже касается головы его.

Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности... Хватит ли у меня слов и сил, чтобы правдиво рассказать о беспощадном истребителе народов Чингисхане и о его свирепом войске? Ужасно было вторжение этих дикарей из северных пустынь, когда во главе войска мчался их рыжебородый владыка, когда разъяренные воины на неутомимых

---

¹ С а л я м ! — Привет! Подобные «Обращения к читателю» являются типичными для рукописей восточных авторов домонгольского периода.

конях проносились по мирным долинам Мавераннагра и Хорезма¹, оставляя на дорогах тысячи изрубленных тел, когда каждое мгновение рождало новые ужасы и люди спрашивали друг у друга: «Засияет ли опять небосвод, затянутый дымом горящих селений, или уже наступил конец мира?»

Многие меня уговаривали поведать письменно все, что я знал и слышал о Чингисхане и о вторжении монголов. Я долго колебался... Теперь же я пришел к мысли, что в моем молчании нет никакой пользы, и я решаюсь описать величайшее бедствие, подобного которому не видывали на земле ни день, ни ночь и которое разразилось над всем человечеством, а в особенности над мирными тружениками твоих полей, измученный несчастьями Хорезм...

Здесь моя речь прерывается, чтобы не забегать слишком далеко. Старые люди подтвердят, что все, описанное мною, действительно совершилось.

Упорный и терпеливый увидит благоприятный конец начатого дела, ищущий знания найдет его...»

---

¹ Мавераннагр — название местности между Амударьей и Сырдарьей. Слово «Туркестан» тогда еще не знали. Хорезм — государство, существовавшее в низовьях Амударьи. В XIII веке Хорезму подчинилась огромная территория от Аральского моря до Персидского залива. О значении и культе древнего Хорезма см. исследования члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова.

КНИГА ПЕРВАЯ
В Великом Хорезме
Все спокойно

Часть I

В ПЛАЩЕ ДЕРВИША

Глава I

ЗОЛОТОЙ СОКОЛ

Наша обитаемая земля похожа на развернутый старый выцветший плащ. Она представляет собою остров, со всех сторон омываемый безграничным океаном.

Из старинного арабского учебника

Ранней весной запоздалая снежная буря пронеслась над мертвыми барханами¹ великой равнины Каракумов. Ветер яростно трепал пробившиеся сквозь пески редкие искривленные кусты. Белые хлопья крутились над землей. Десяток верблюдов беспорядочно сбился в кучу возле глиняной хижины с куполообразной крышей. Куда девались провожатые каравана? Почему погонщики не сняли тяжелых व्यюков и не уложили их рядами на землю?

Верблюды поднимали облепленные снегом мохнатые головы, их тоскливые всхлипывания сливались с завыванием ветра. Вдали прозвенел колокольчик... Верблюды повернули головы в ту сторону. Показался черный осел. За ним, уцепившись за хвост, плелся бородатый человек в длинном плаще и высоком колпаке дервиша² с белой повязкой странника, побывавшего в Мекке.

¹ Бархан — подвижной песчаный холм, образуемый в пустыне действием ветра.

² Дервиш — персидское слово, означает «нищий». Дервиши составляли особую касту; объединялись в общины во главе со старшиной («пиром» или «шейхом»). Дервиши носили особые плащи, умышленно

— Вперед, вперед! Еще десяток шагов, и ты получишь свою долю соломы. Смотри, мой верный друг Бекир, кого мы встретили! Где стоят верблюды, там отдыхают их хозяева, а слуги уже развели костер. А разве там, где у костра собрались десять человек, не найдется горсти рисовой каши и для одиннадцатого? Эй, кто здесь? Правоверные, отзовитесь!

Никто не отозвался. Глухо звякнул треснувший колокольчик на шее верблюда-вожака.

Погоня осла, запорошенный снегом путник медленно обошел постройку с низкой глиняной оградой. Дверь с искусно вырезанным узором была подперта колом. Позади хижины, на площадке, окруженной песчаными барханами, выстроились ряды безмолвных могил, старательно убранных белыми и черными камешками.

— Дервиш Хаджи Рахим Багдади приветствует вас, уснувшие навеки почтенные обитатели этой тихой долины! — бормотал путник, привязывая осла под камышовым навесом. — Где же сторож этого молчаливого собрания? Может быть, он в хижине?

Накрошив хлеба в пеструю торбу, дервиш подвязал ее к голове осла.

— Отдаю тебе, мой верный друг, последние остатки еды. Тебе она нужнее. Если мы за ночь не замерзнем, завтра ты потащишь меня дальше. Я уж буду согреваться воспоминаниями о том, как было нам жарко под пальмами благодатной Аравии.

Дервиш отбросил кол и открыл дверь. Посредине хижины, где обычно тлеет костер, потухшие угли покрылись пеплом. Крыша куполом уходила кверху, кончаясь отверстием для дыма. У стенки на корточках сидели четыре человека.

— Мир, благоденствие и простор! — сказал дервиш. Ему не ответили. Он сделал шаг вперед. Неподвижность, безмолвие и

покрытые множеством грубых заплат и перевязанные веревкой вместо пояса — знак добровольной бедности. Первоначально среди дервишей были и выдающиеся поэты и ученые, занимавшиеся философскими вопросами. В позднейшее время дервиши выродились в туенядцев, эксплуататоров народной темноты и невежества, лечивших больных заговорами, молитвами, занимавшихся гаданием, торговлей талисманами и разного рода шарлатанством.

бледность сидевших заставили его быстро попятиться к двери и выскользнуть наружу.

— Хаджи Рахим, ты не должен роптать. Четыре мертвеца ждут, кто завернет их в саваны. А ты хоть нищ и голоден, но еще силен и можешь бродить по бесконечным дорогам вселенной... Рядом целый караван, потерявший своего хозяина. Если б только я захотел, я мог бы сделаться владельцем этих верблюдов, нагруженных богатыми вьюками. Но искателю правды, дервишу, ничего не нужно. Он останется бедняком и пойдет дальше, распевая песни. Однако нужно пожалеть и бедную скотину.

Дервиш обошел верблюдов, распутал на них веревки, разместил животных рядом друг с другом и опустил их на колени. Среди вьюков он нашел мешок с ячменем и насыпал из него по несколько горстей перед каждым верблюдом.

— Если бы кто-либо спросил, сделал ли Хаджи Рахим за свою жизнь доброе дело, то эти верблюды ему могли бы хором спеть: «В холодную бурю дервиш накормил нас, и мы оттого не замерзли».

Всю ночь дервиш пролежал на связке камыша, прижавшись спиной к ослу, который тихо дремал, подобрав ноги. Утром ветер разметал тучи, и на востоке показалось солнце.

Увидев розовые лучи, скользнувшие по могилам, дервиш вскочил.

— В дорогу, Бекир, пойдем дальше!

Навьючив осла мешком с остатками ячменя, дервиш заглянул в хижину. Вместо четверых человек, сидевших у стены, теперь оставался только один. Раскрытые карие глаза смотрели тускло и не мигая.

— Куда же девались остальные мертвецы? Неужели они улеглись в могилы? Нет, Хаджи Рахим не хочет оставаться здесь; он пойдет дальше, в города Хорезма, туда, где много радостных людей, где льется беседа мудрецов, свежая, как молоко и мед.

— Помоги мне, правоверный! — прошептал хриплый голос. У сидевшего человека зашевелилась волнистая борода.

— Кто ты?

— Махмуд...

— Ты из Хорезма?

— У меня золотой сокол.

— Ойе! — удивился дервиш. — Правоверный, умирая, думает о своем соколе! Выпей воды!

Больной с трудом отпил несколько глотков из тыквенной бутылки. Его блуждающие глаза остановились на дервише.

— Меня тяжело ранили... разбойники Кара-Кончара... Три моих спутника ожидали горького конца, кто-то запер дверь, и мы не могли уйти... Если ты, правоверный, бросишь правоверного в беде, то это хуже убийства... — так говорит «благородная книга»...

Его зубы стучали лихорадочной дрожью, рука с мольбой протянулась к дервишу и бессильно упала. Больной повалился на бок.

Хаджи Рахим расстегнул шерстяную одежду больного. На груди темнела рана и сочилась кровь.

— Нужно остановить кровь. Чем перевязать его?

Рядом лежала толстая, искусно свернутая белая чалма¹. Дервиш начал ее разматывать.

Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Дервиш поднял ее. На ней был тонко вычеканен сокол с распростертыми крыльями и вырезана надпись из странных букв, похожих на бегущих по тропинке муравьев.

Дервиш задумался и более внимательно посмотрел на больного.

— На этом человеке огненные отблески будущих великих потрясений. Вот где скрыта тайна ожившего мертвеца, — шептал дервиш. — Это пайцца² великого татарского кагана³. Этого золотого сокола надо сберечь; я отдам его больному, когда разум и сила к нему вернуться. — И дервиш спрятал золотую пластинку в складках своего широкого пояса.

Он долго возился с больным, пока не обмотал его раненую грудь тонкой кисеей чалмы. Затем он вышел из хижины, поднял одного из верблюдов и подвел его к двери. Он опустил верблюда на колени, перенес больного и усадил его между мохнатыми горбами, привязав волосяными веревками.

---

¹ Ч а л м а — тонкая длинная ткань, которой мусульмане искусно обертывают голову.

² П а й ц з а — пластинка из металла или дерева с вырезанным на ней повелением Чингисхана; пайцца являлась пропуском для свободного проезда по монгольским владениям. Пайцца давала большие права: власти на местах должны были оказывать содействие, давать лошадей, продовольствие лицам, имевшим пайцзу.

³ К а г а н — «хан ханов», повелитель монголов и татар.

Когда солнце поднялось над барханами, дервиш шагал по тающему снегу едва заметной степной тропой. За ним семенил копытцами осел, а за ослом равномерно шагал высокий двугорбый верблюд. На нем беспомощно раскачивался привязанный больной.

— Вперед, Бекир! Скорее дойдем до Гурганджа¹, где тебя ждет охапка сухого клевера. Здесь опасно. Из-за холмов вылетит разбойник Кара-Кончар и сделает рабом твоего хозяина, а с тебя дерет твою черную шкуру. Скорей, подальше отсюда!

Глава 2

В ЮРТЕ КОЧЕВНИКА

Джелаль эд-Дин Менгбурный, наследный сын хорезм-шаха², охотился в песках Каракумов. Двести лихих джигитов на отборных конях сопровождали молодого хана. Они выполняли тайный приказ шаха — следить, чтобы Джелаль эд-Дин не скрылся из пределов Хорезма. Джигиты двигались полукругом по степи, стараясь загнать джейранов³ и диких ослов к гряде холмов, где слуги заблаговременно поставили черную палатку с белым верхом и готовили пиршество для всех участников охоты.

Весна рассыпала по пескам первые редкие цветы, и под ослепительным солнцем быстро таяли остатки снежных заносов. На третий день охоты небо внезапно потемнело. С севера, из Кипчакских степей⁴, подул холодный ветер, и закрутилась снежная пурга.

Джелаль эд-Дин на горячем вороном аргамаче, преследуя раненого джейрана-самца, отделился от своих спутников. Он

---

¹ Гургандж (или Ургенч) — столица Хорезма, расположенная в низовьях реки Амударьи, впоследствии разрушенная монголами.

² Хорезм-шах — правитель Хорезма, в начале XIII века сильнейший из мусульманских владык.

³ Джейран — газель, разновидность антилопы.

⁴ Кипчакская степь — огромная территория от Днепра и на восток до Семиречья, населенная многочисленным кочевым народом тюркского корня — кипчаками. В русских летописях кипчаки назывались «половцами», на Западе они назывались «куманами». В Венгрии имеются области «Великая Кумания» и «Малая Кумания», населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар.

видел, как козел прихрамывал и оглядывался, насторожив уши. Уже близка была добыча, но джейран, тряхнув изогнутыми рожками, снова унесся в степь. Упорный и гневный хан скакал на взмыленном жеребце, не спуская глаз с мелькавшего впереди поднятого черного хвоста.

Наконец джейран был пробит стрелой с орлиным пером и привязан за седлом. Между тем буря усилилась, снег замел тропинки. Джелаль эд-Дин понял, что заблудился и может погибнуть, если буря продлится несколько дней. Ведя коня в поводу, он пошел против ветра. Надвигалась ночь. Выбившись из сил, хан развернул попону, укрыл коня и, полузасыпанный снегом, присидел так всю ночь.

Взошло солнце, ветер стих. Снег стал таять, между барханами потекли ручейки. Вглядываясь в даль, Джелаль эд-Дин заметил сигнальную вышку — холм, сложенный из хвороста и костей; он намечал путь среди однообразной, как море, равнины. Хан направился к нему. В глинистой долине между песчаными холмами приютились четыре бедные, закоптелые юрты.

Неистовый лай собак вызвал из юрты старого кочевника-туркмена. Придерживая накинутый на плечи козлиный тулуп, он с достоинством подошел к всаднику и гостеприимно коснулся повода.

— Если мой дом не покажется тебе слишком бедным, то войди с миром, почтенный бек-джигит! — сказал старик, пораженный богатой одеждой, малиновыми шароварами из толстого шелка, а более всего величественным вороным жеребцом, на каком могут ездить только султаны.

— Саям! Есть ли у тебя ячмень? Я заплачу двойную цену.

— В пустыне хлеб дороже денег. Но для редкого гостя найдется все, что он захочет. Вместо ячменя твой конь будет накормлен отборной пшеницей...

Из ближней юрты слышался шум ручного жернова, на котором женщины мололи пшеницу.

— Ойе, вы там! Возьмите коня!

Две девушки в темно-красных рубашках до пят, звеня серебряными украшениями и монетами на груди, выбежали из юрты, прикрываясь краем полупрозрачной ткани, накинутой на голову. Они взяли с двух сторон за повод коня и увели его.

Хан вошел в юрту. Там было тепло. Посредине курился костер из смолистых корней. У стенки на войлоке лежал на спине

человек. Серое бескровное лицо с черной бородой и сложенные на груди руки говорили о близкой смерти. Прерывистое дыхание показывало, что жизнь его отчаянно борется в этом обесиленном теле.

В ногах больного сидел бородатый дервиш, в высоком колпаке с белой повязкой, знаком хаджи¹. На его полуголое тело был накинут широкий плащ с множеством ярких заплат.

— Салям-алейкум! — сказал Джелаль эд-Дин и опустился на войлок около больного. Подползла закутанная до глаз женщина-рабыня и стащила с хана промокшие зеленые сапоги. Джелаль эд-Дин отстегнул кожаный пояс с кривой саблей и положил около себя.

— Ты кто? — спросил он дервиша. — Судя по твоей одежде, ты видел далекие страны?

— Я хожу по свету и ищу среди моря лжи острова правды...

— Где твоя родина и куда ты идешь?

— Меня зовут Хаджи Рахим, а прозвали меня еще Багдади, потому что я учился в Багдаде². Моими учителями были самые совершенные, великодушные и знающие люди. Я изучил много наук, много перечел сказаний арабов, турок, персов и написанных древним языком пехлеви. Но, кроме сожаления и кроме тяжести грехов, я не вижу другого следа моих юных дней...

Джелаль эд-Дин поднял недоверчиво бровь:

— Куда же и зачем ты идешь?

— Я хожу по этому плоскому подносу земли, лежащей между пятью морями, посещаю города, оазисы и пустыни и ищу людей, опаленных огнем неудержимых стремлений. Я хочу увидеть необычайное и преклониться перед истинными героями и праведниками. Сейчас я направляюсь в Гургандж, по слухам, прекраснейший и богатейший город Хорезма и всего мира, где, говорят, я найду и блистающих знаниями мудрецов, и искуснейших мастеров, украшающих город образцами великого искусства...

---

¹ Х а д ж и — паломник, совершивший «хадж» (путешествие) в Мекку, город в Аравии, где мусульмане поклоняются памятникам культа, которые считают священными.

² Б а г д а д — большой и богатый арабский город, культурный и духовный центр мусульманского Востока, прославленный рассказами «1001 ночи» (Харун аль-Рашид и др.).

— Ты ищешь героев, записывающих свои подвиги концом меча на полях битв? — сказал Джелаль эд-Дин и задумался. — А сумеешь ли ты такими пламенными строками описать подвиги героя, чтобы юноши и девушки запели твои песни, чтобы их повторяли отважные джигиты, бросаясь в бой, или старики, делая последний шаг к могиле?

Дервиш ответил стихами:

Хотя богат и славен песней Рудеги¹,
Но я не меньше слов прекрасных знаю.
Слепой, стихами он завоевал весь мир,
А я пою для собеседников костра степного...

Хозяин втащил в юрту убитого ханом джейрана. С него была содрана шкура и выпотрошены внутренности.

— Позволь передать женщинам часть мяса, чтобы они приготовили для тебя ужин?

— Угощайтесь все! Берите все! — ответил Джелаль эд-Дин. — Я не ловчий у бека. Я сам бек и сын бека, не обязанный передавать добычу хозяину. — Он вытащил из ножен узкий кинжал, вырезал из спины джейрана несколько тонких кусочков мяса и, нанизав их на прутик, стал поджаривать над угольями костра.

Хозяин передал тушу джейрана женщинам, а сам сел рядом с гостем. Поглаживая бороду, он стал задавать вопросы вежливости:

— Здоров ли ты? Силен ли ты? Согрелся ли? Здоровы ли твои родители?

Хан, соблюдая обычай, тоже задал несколько вопросов участия и затем сказал:

— Да не покажутся обидой мои слова: чей это шатер и где я нахожусь?

— Моя юрта на один переход в стороне от большой караванной дороги к городу Несе², а я — простой кочевник, затерянный в великой степи, которого все зовут Коркуд-Чобан³.

¹ Рудеги — крупнейший поэт IX века, родом из Бухары.

² Несе (Ниса) — когда-то сильная древняя крепость близ нынешнего Ашхабада, потом разрушенная монголами и засыпанная песками. Ее развалины были открыты советскими учеными в 1931 году.

³ Коркуд-Чобан — пастух Коркуд.

Собака, ворчавшая за стеной юрты, залилась лаем. Донеслись крики, всхлипывания и плач. Конский топот приблизился и затих. Сильный голос окликнул:

— Кто в юрте? Отзовись, Коркуд-Чобан!

Глава 3

СТЕПНОЙ ДЖИГИТ

Старик поднялся и вышел. Едва доносились слова разговора.

— Зачем он приехал сюда? — шепотом хрипел всадник. — Или настал его смертный час?

— Все трое — мои гости.

— Я покажу, какой приговор Аллаха написан на их бледном челе...

— Ты их не посмеешь тронуть. А эти новые твои пять невольников откуда?

— Это опытные мастера: медники и оружейники. Они шли вместе с караваном. Я хотел «подстричь бороды» этому каравану, но откуда-то шайтан принес две сотни джигитов, гнавших джейранов для какого-то знатного бека. Пришлось верблюдов бросить, погонщики разбежались, и я погнал только пять этих мастеров. Теперь я их отсылаю в Мерв, где продам за хорошую цену.

— Да поможет тебе в этом Аллах!

Хозяин с новым гостем вошли в юрту.

Незнакомец был молод, высок, с прямыми плечами и очень тонок в поясе. Сбоку в зеленых сафьяновых ножнах висел длинный меч-кончар. Желтые сапоги из верблюжьей замши на тонких высоких каблуках, высокая круглая шапка из овчины и особого покроя черный чапан¹ говорили, что он туркмен. Это подтверждало и смуглое решительное лицо с выдающимися скулами.

— Проходи к огню, садись! — пригласил хозяин.

Гость, однако, не опустился на ковер, а продолжал стоять около входа. Его глаза расширились и стали круглыми, как у совы.

---

¹ Ч а п а н — верхняя одежда, кафтан.

— Ты кто? — спросил, не подымая глаз, Джелаль эд-Дин.

— Степняк...

— Кочуешь со скотом или промышляешь иным?

— Я стригу бороды караванным купцам...

Такой ответ, по степным обычаям, был грубостью. При встрече у костра с незнакомыми, даже бедно одетыми, все становятся равными, обмениваются вопросами вежливости: о здоровье, о состоянии стада, о дальности дороги. Туркмен, очевидно, искал ссоры.

Джелаль эд-Дин вскинул и опустил глаза, и только уголок рта чуть дрогнул. Разве станет знатный хан входить в пререкания с простым кочевником песков?

— Хозяин сказал, что ты ищешь дорогу к Гурганджу? Я могу тебя проводить, — помолчав, сказал туркмен.

Джелаль эд-Дин был храбр, но его конь устал. Здесь он в безопасности, его охраняет закон гостеприимства. А на дороге этот туркмен будет так же за ним охотиться, как недавно он сам охотился за джейраном. И хан ответил:

— Сейчас в Гургандж я не поеду.

— А кто этот стонущий, уходящий из нашего печального мира?

— Раненный разбойниками, — сказал дервиш. — А я, мыслитель и певец, жду попутчика, чтобы не попасть в руки отчаянного Кара-Кончара. Говорят, что этот барс пустыни не щадит никого, даже бедного дервиша...

— А ты думаешь, что другие не грабили Кара-Кончара?

Дервиш ответил:

— Что могу думать я, пустой орех, гонимый по степи ветром скитаний?

— Кара-Кончар живет на безводном, недоступном солончаке. Он неуловим, как ящерица, ныряющая в песок, или как змея, скользящая в камышах. Никто не может добраться до него, а он проникает всюду.

— Кто промышляет разбоем, готовит себе славный конец: его голова подыметя выше всех, надетая на кол на стене Гурганджа, — равнодушно сказал Джелаль эд-Дин, поворачивая прут с жарившимся мясом.

— Кара-Кончар — ночная тень, догоняющая злодея, — продолжал туркмен. — Кара-Кончар — кинжал мести, копье гнева